

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С97

Серия «Золотой век английского детектива»

Dorothy L. Sayers
**FIVE RED HERRINGS
THE NINE TAILORS**

Перевод с английского *Е. Ильиной*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается при содействии литературных агентств David
Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Сэйерс, Дороти Ли.

С97 Пять красных селедок. Девять погребальных ударов :
[романы] / Дороти Ли Сэйерс ; [перевод с английско-
го Е. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
736 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-119244-0

Живописная шотландская деревушка издавна служила приютом художникам, рыбакам и тем эксцентричным джентльменам, которые умело сочетали оба этих пристрастия. Именно к их числу принадлежал Сэнди Кэмпбелл, погибший при крайне загадочных обстоятельствах.

Детектив-любитель лорд Питер Уимзи быстро понимает, что в этом деле не один или два, а целых шесть подозреваемых — шесть художников, ненавидевших убитого по разным причинам, но в одинаковой мере. Однако как узнать, кто из них виновен, если все шестеро что-то скрывают?

Покой тихой деревни в Восточной Англии нарушен — на местном кладбище найден труп. Казалось бы, что здесь необычного? Вот только обезображенное тело принадлежит жертве таинственного убийства...

По просьбе настоятеля приходской церкви лорд Питер Уимзи берется за дело, но во время расследования возникает все больше вопросов. Неужели сыщик впервые не сможет назвать имя убийцы? И по кому в этот раз звонит колокол?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1931,
1934

© Перевод. Е. Ильина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-119244-0

ПЯТЬ КРАСНЫХ СЕЛЕДОК*

---

*В русском названии романа использован дословный перевод английской идиомы «red herring» – ложный след, отвлекающий маневр.

Предисловие

*Моему другу Джо Дигнаму,
самому сердечному из хозяев*

Дорогой Джо!

Вот наконец и увидела свет книга о Гейтхаусе и Керкубри. Все упомянутые в ней места существуют, и поезда тоже. Описание местности соответствует действительности, хотя я добавила от себя пару домов. Но тебе лучше, чем кому-либо, известно, что ни один из персонажей моей книги не похож на реальных людей. Ведь никому из местных художников не придет в голову напиться, сбежать от жены или ударить своего соседа по голове. Все это придумано лишь ради забавы, чтобы сделать повествование более захватывающим.

Если я случайно дала имя настоящего человека герою с дурным характером, прошу передать ему мои извинения и заверить, что я сделала это не намеренно. Ведь даже у отрицательных персонажей должно быть имя. Пожалуйста, передай мэру Лори, что, несмотря на то что действие происходит в эпоху масляных ламп, я не забыла, что теперь в Гейтхаусе есть электричество, благодаря которому можно читать эту книгу.

Если ты встретишь мистера Миллара из гостиницы «Эллангоуэн», начальника станции в Гейтхаусе, кассира из Керкубри или одного из сотни добрых людей, терпеливо отвечавших на мои вопросы о железнодорожных билетах, расписании автобусов или старом руднике возле Критауна, передай им мою искреннюю благодарность за помощь и извинения за то, что слишком им надоедала.

Мой сердечный привет всем, в том числе Феликсу. А миссис Дигнам скажи, что мы приедем на следующее лето, чтобы снова отведать картофельных лепешек в «Энвосе».

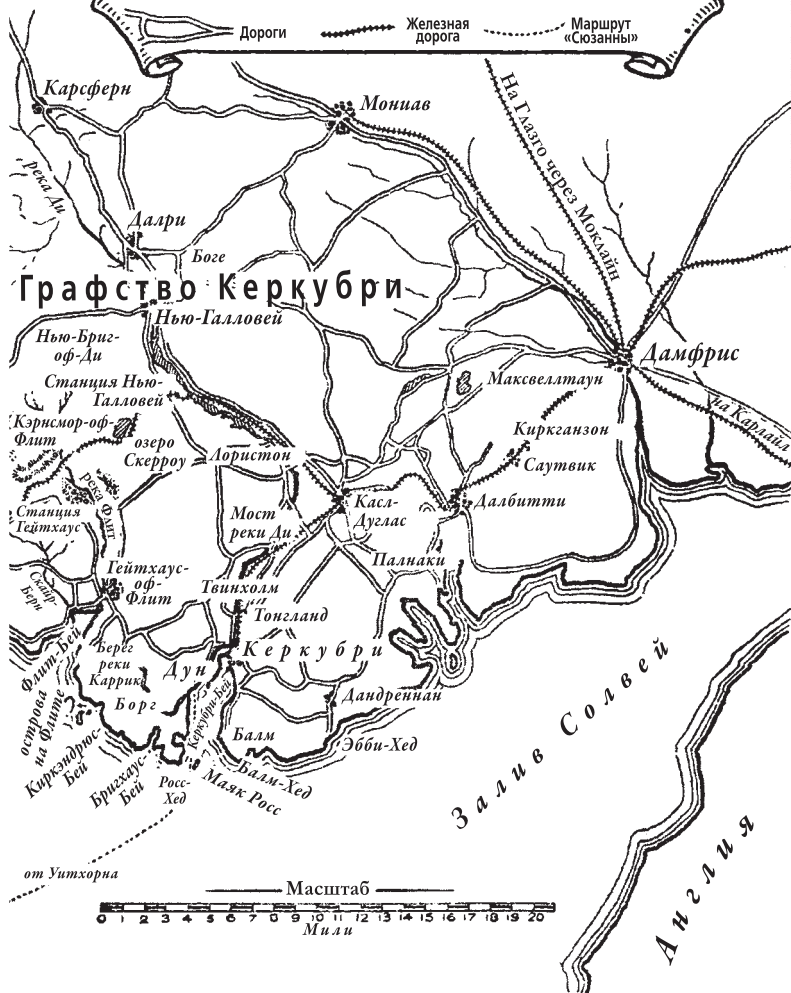
Дороти Ли Сэйерс

Карта Галловей

КЭМПБЕЛЛ В ГНЕВЕ

Если вы живете в Галловее, то вы либо рыбак, либо художник. Хотя союз «либо» здесь не совсем уместен, поскольку все художники на досуге легко превращаются в рыбаков. Человека же, равнодушного к этим двум видам деятельности, считают странным и даже эксцентричным. Рыбалка — привычная тема для бесед в пабе и почтовом отделении, в гараже и на улице. Ее обсуждают все: и приезжие на «роллс-ройсах», прихватившие с собой удилища «харди», и местные жители, задумчиво наблюдающие за раскинутыми в речке Ди сетями. Погода, которую в остальных частях королевства определяют по меркам фермеров, садоводов и отдыхающих, в Галловее оценивается с точки зрения рыбака и художника. Какой бы ни выдался день, рыболов-живописец всегда найдет свою выгоду. Слишком ясный для охоты на форель день заливают светящимися яркими красками холмы и море, а дождь, лишаящий живописца возможности провести время на этюдах, наполняет водой реки и озера, выгоняя его из дома с удочкой и корзиной для рыбы. В холодные пасмурные дни, когда окрестности тускнеют, а на реке нет клева, наш живописец-рыболов с радостью проводит время в уютном баре, где в дружеской компании может обсудить мушки для спиннингов, а также попрактиковаться в завязывании замысловатых узлов.

Художественным центром Галловее по праву считается Керкубри. Проживающие здесь художники напоми-

нают своеобразное созвездие, центр которого сосредоточен на Хай-стрит, а отдельные звезды мерцают в приставившихся на склонах холмов уединенных коттеджах, озаряя своим сиянием Гейтхаус-оф-Флит. В величественных каменных коттеджах располагаются роскошные просторные студии с высокими потолками и обитыми панелями стенами, блистающие полированным дубом и тщательно начищенной латунью. С ними соседствуют студии попроще — такие временные пристанища творческих личностей, с превосходным освещением и беспорядочно разбросанными кистями и холстами, являющимися неотъемлемой частью жизни истинного живописца. Здесь есть также небольшие домашние студии с веселыми голубыми, красными и желтыми занавесками и странными образчиками гончарного искусства. Они прячутся на узких улочках, окруженные очаровательными садами со старомодными клумбами. Почва тут настолько плодородна, что от обилия цветов рябит в глазах. Многие студии и вовсе располагаются в переоборудованных амбарах. Они привлекли своих владельцев простором и высокими потолками, став обитаемыми благодаря переносным печкам и газовым горелкам. У художников большие семьи, служанки в чепцах и кружевных фартуках. А некоторые снимают комнаты и с радостью принимают помощь их владелиц. Кто-то живет с подругой, а кто-то — в полном одиночестве. Одни нанимают помощниц по хозяйству, а другие предпочитают вести жизнь отшельников, заботясь о себе самостоятельно. Кто-то пишет маслом, кто-то отдает предпочтение акварели или пастели. Одни увлекаются гравюрой, а другие работают по металлу. Но всех этих людей, представляющих разнообразные направления в живописи, объединяет одно: они воспринимают свою деятельность всерьез и не приемлют дилетантства.

Однако лорда Питера Уимзи в этом сообществе рыболовов и художников приняли весьма дружески и да-

же с долей привязанности. Он весьма сносно забрасывал удочку и не пытался выдать себя за художника. Будучи англичанином, да к тому же чужаком, не давал поводов для недовольства. Англичан терпят в Шотландии лишь в том случае, если они не задаются. А лорд Питер был, к счастью, лишен этого присущего англичанам недостатка. Да, его акцент резал ухо, а манера держаться порой отличалась от тех, что приняты в здешних краях. И все же за время многочисленных визитов лорда Питера сумели оценить по достоинству и провозгласили совершенно безобидным. А уж если он и позволял себе какое-то чудачество, то окружающие просто пожимали плечами и снисходительно произносили: «Помилуйте, это всего лишь его светлость».

Провидению было угодно, чтобы Уимзи оказался в баре «Герб Макклеллана», когда разгорелась ссора между Кэмпбеллом и Уотерсом. Специализировавшийся на пейзажах Кэмпбелл, возможно, позволил себе на пару рюмок больше, чем следовало, особенно человеку с такой огненно-рыжей шевелюрой, как у него. В результате воинственный настрой шотландца проявился во всей красе. Он разразился хвалебной речью о деяниях джодков* во время Первой мировой войны, прерываясь лишь для того, чтобы указать Уотерсу на низкое происхождение англичан, неспособных даже разговаривать внятно на собственном треклятом языке.

Будучи представителем древнего рода йеменов, Уотерс, как и все англичане, с готовностью воздавал хвалы почти всем иностранцам, кроме даго** и негров, но в то же время совершенно не переносил, когда те восхваляли самих себя. Ему казалось непристойным демонстративно гордиться собственной страной. Ведь это все равно что

---

* Прозвище солдат Шотландского гвардейского полка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Прозвище итальянцев, португальцев, испанцев.

подробно рассказывать присутствующим в курительной комнате мужчинам о прелестях своей жены. Он слушал пылкую речь Кэмпбелла с той снисходительно-каменной улыбкой, которую иностранец принимает за проявление непроницаемого самодовольства, совершенно не нуждающегося в оправдании.

Кэмпбелл указал на то, что все высокие административные посты в Лондоне занимают шотландцы; Англии так и не удалось подчинить себе Шотландию, и если та захочет самоуправления, она, видит бог, его получит. Когда английские войска утрачивали контроль над своими позициями, приходилось посылать за шотландскими офицерами, которые сразу наводили порядок, и когда на фронте приходилось туго, становилось легче при мысли, что джоки где-то поблизости, на левом фланге.

— Спроси любого, кто побывал на войне, приятель, — добавил он, тем самым выказав свое превосходство над Уотерсом, достигшим призывного возраста только к концу войны, — и он непременно поведаст, что думает о джоках.

— Ну да, — ответил Уотерс, усмехнувшись, — я знаю, что мне скажут: «Они только и делают, что бахвалятся».

Будучи человеком благовоспитанным да к тому же оказавшимся здесь в меньшинстве, Уотерс оставил без продолжения обидную цитату. Впрочем, Кэмпбелл и сам был в состоянии ее продолжить. Он разразился проклятиями, направленными уже не столько на национальность оппонента, сколько на него лично.

— Проблема шотландцев состоит в том, — произнес Уотерс, когда Кэмпбелл замолчал, чтобы перевести дух, — что в вас сильно развит комплекс неполноценности.

Он с беззаботным видом опустошил свой стакан и с улыбкой взглянул на Уимзи. Вероятно, именно эта улыбка, а не насмешка как таковая, переполнила чашу

терпения разъяренного Кэмпбелла. Бросив в адрес своего обидчика несколько достойных осуждения фраз, он выплеснул в лицо Уотерсу часть содержимого собственного стакана.

— О нет, мистер Кэмпбелл! — воскликнул Вулли Мердок, которому не нравилось, когда в его заведении возникали подобные разборки.

Но тут уже и Уотерс не остался в долгу: осыпал Кэмпбелла не менее отвратительными ругательствами, и через мгновение они, сцепившись, катались по полу среди осколков стекла и опилок.

— За это я сверну твою чересчур умную башку! — в ярости бросил Уотерс. — Грязная дворняжка с гор!

— Эй, прекращайте, Уотерс! — попытался остановить англичанина Уимзи, хватая за ворот. — Не глупите. Он же просто пьян.

— Отойди-ка, приятель, — вмешался в дело рыбак Макадам, обхватывая Кэмпбелла своими крепкими мускулистыми руками. — Негоже так себя вести. Успокойся.

Драчуны разошлись в стороны, тяжело дыша.

— Нет, так дело не пойдет, — произнес Уимзи. — Здесь же не Лига наций. Чума на оба ваши дома! Имейте хоть немного здравого смысла.

— Он назвал меня... — пробормотал Уотерс, отирая виски с лица. — Будь я проклят, если оставлю это без наказанным! Пусть держится от меня подальше. Вот что я скажу. — Он гневно взглянул на Кэмпбелла.

— Всегда к твоим услугам, — не остался в долгу тот. — Я не собираюсь убегать.

— Ну-ну, джентльмены! — снова вмешался Мердок.

— Это он первый начал со своими насмешками! — заявил Кэмпбелл.

— Нет, мистер Кэмпбелл, — возразил хозяин бара. — Это вам не следовало говорить того, что вы ему сказали.

— Буду говорить все, что пожелаю!